

Андрей Грязнов

ПОРОГ КАССАНДРЫ

Андрей Грязнов

Порог Кассандры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72152995

SelfPub; 2025

Аннотация

Когда мы слышим слово «трагедия», мы ждем грома. Когда мы читаем о мифах, мы ждём дистанции. Но эта история – не о громах и не о богах. Она о нас. Только рассказана через миф. «Порог Кассандры» – это современная трагедия, разворачивающаяся на пересечении мифа и человеческой боли, когда правда одного становится болью другого, когда справедливость передаётся из рук в руки, как нож, и никто не знает – кто держит его по праву, а кто – из страха. Сын убивает мать, мстя за отца. Мать убивает мужа, мстя за дочь. Судит не бог, а время. Это пьеса не о древности – а о том, что делать с памятью, которая не даёт прощения; о голосе внутри, который требует возмездия – и о голосе, который отказывается отвечать кровью на кровь. И если этот миф звучит сегодня – значит, мы всё ещё ищем: как жить, когда прощения мало, а возмездия – уже слишком.

Содержание

Пролог	4
Глава I. Предчувствие. Месть на крови	7
Глава II. Кассандра. Прозрение и гибель	15
Глава III. Тени Эриний	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Грязнов

Порог Кассандры

*Кровь, пролившая кровь, взывает сама с себя.
Эсхил, Эвмениды. 458 год до н. э.*

Пролог

*Имя – это клеймо, полученное в тот миг, когда
душа ещё кричит от боли рождения.
Подслушано в монастыре*

Колокол ржавел, как всё к чему она прикасалась.

Анна наклонилась ближе, заслоняя огонь свечи от сквозняка, и вгляделась в металл. Тусклый, шероховатый, обманчивый. Лица в отражении было не видно, только намёк. Ад не отражается. Он смотрит изнутри. Пальцы скользнули по бронзе. Холод. Тишина. И в ней – имя. Тяжёлое, как отголосок забытой молитвы.

Мегера.

Так прошептала мать при родах. Уверенно, без дрожи. Отец промолчал.

Почему не София? Не Агата? Не имя-цветок, а имя-приговор. Позже она стала Анной. Но имя не переписывается. Оно прожигает ткань судьбы.

А может, с него всё и началось?

Она глубоко вздохнула. Почти бесшумно.

Анна знала, как никто другой – Мегера не та, кого боишься в детстве. А та, кем становишься, когда страх покидает тебя окончательно. Она не приходит с громом. Она появляется в тишине. Когда в обычной квартире срывается женский голос. Когда в руке дрожит телефон. Когда ты говоришь себе: «Это был просто срыв».

Она уже рядом.

Сегодня у неё не змея в волосах, а строгий пучок. Пальто сидит безупречно. Ногти – цвета засохшей крови. Она пахнет кожей, табаком и тем, что напоминает: ты перед кем-то очень виноват. Она появляется там, где ярость долго прятали под улыбкой. Где долг придавал достоинству привкус ржавчины. Где шептали: «Потерпим».

Мегера – не терпит.

В её взгляде холодная сталь. Не беспощадность, а древнее материнское право, которое не спрашивает разрешения. Справедливость по ту сторону морали.

Если ты предал родную кровь, ты услышишь, как её каблуки цокают в ночной тишине твоей лестничной клетки. Она не убивает. Она напоминает. Тихо. Вежливо. Но каждое её слово – как шов без наркоза. Через неё говорит сама Земля. Не суд. Не закон. А память, которую не отменить, кровь отцов и вина детей. И радуйся, если она заглянет к тебе просто предупредить. А не взыскать.

Колокол молчал.

Он не звал к Утрене.

Он стерёг тьму.

Анна откинулась спиной к холодной кладке и позволила воспоминаниям забрать себя.

Глава I. Предчувствие.

Месть на крови

*Каждый суд начинается с паузы.
Но за этим молчанием – голос,
который ещё не решился звучать.
И если ты слышишь его – ты уже не зритель.
Женщина в чёрном*

То утро ничем не отличалось от множества других.

Анна – немного за тридцать, адвокат – проснулась в новой квартире на Ленинском, выпила крепкий кофе и подошла к окну. За стеклом текла река машин. Город вдыхал людей – как усталый организм вдыхает свежий воздух, чтобы к вечеру – выдохнуть обратно: обессиленных и опустошённых.

Она стояла с чашкой в руке, когда вдруг... ей показалось, что по тротуару напротив идёт та самая Женщина в чёрном.

Q
♠

Memoria maior quam sanguis.

♠
Q

Та, что в последнее время приходила не только в снах, но и в переходах метро, в зеркальных витринах, даже в мелькнувших отражениях лифтовых дверей. Всегда чуть в стороне. Всегда в черном пальто. С кожаной сумкой, закинутой через плечо. С лицом, которое никогда не поворачивалось полностью – но Анна уже знала черты.

Женщина не оглянулась. Просто прошла мимо. Как сигнал. Как повтор. Как приглашение вспомнить.

Анна невольно сжала пальцы на чашке.

– Галлюцинация. Недосып. Придумала, – сказала она себе. И тут же поняла: не верит. Она знала, что это не просто усталость. Это было напоминание.

День пролетел быстро. Офис. Фитнес.

Вечером – театр на окраине по личному приглашению режиссёра Штифмана.

Развод с молодой женой – тихий, без сцены. Вдох, выдох и крестное знамение в спину уходящей. Уже бывшей. Он не умел благодарить словами. Благодарил спектаклями.

Где-то между делами – короткая видеосвязь со следственным изолятором.

Её клиент – парень, лет двадцати. Звать – Павел.

Убил мать.

Не самое желанное дело. Но Марков, председатель коллегии, попросил взять – она согласилась. Сказала «да» почти автоматически.

Она едва его слушала.

Павел говорил спокойно, внятно. Голос молодой, глаза васильковые. Пальцы – как у пианиста. И в этих пальцах совсем недавно был нож. Недолго. Но достаточно, чтобы пролить кровь матери. Не символическую. Настоящую.

Анна не задавала вопросы.

Просто слушала.

Он сидел прямо, по-военному. Слишком молодой, чтобы быть убийцей матери. Слишком ясный, чтобы быть чудовищем.

Он поднял глаза.

– Я не хотел. Я не знал, что всё так произойдет.

Я пришёл с кладбища позже родителей. Мама стояла на кухне у плиты. Молча. Отец был в форме, пил чай. Увидев меня сказал: «Твоя сестра – герой. Исполнила долг. Твоя очередь».

Мама побледнела. Она была против того, чтобы сестра ушла добровольцем. И тогда – возник нож. Из ниоткуда. Будто не она. Не мать Кто-то другой.

Его голос стал глухим, как будто из глубины.

– Я видел, как папа упал. Кровь по всему полу. Багровая по белому. Как в кино. Только это была не война. Не фронт. Кухня. Дом. Место, где мы с сестрой ели кукурузные хлопья с молоком.

Анна не делала записей. Она просто была.

– Я поднял нож. Он был тёплый. Я не думал.

Голос внутри сказал: «Бей».

И я – ударил.

Она спросила, почти шёпотом:

– Слышала ты хочешь подписать контракт? Тебя заставляют?

Он посмотрел прямо. Без мигания. Без защиты.

– Добровольно. Чтобы мстить. Чтобы понять, за что умерла сестра. И все они. Отец говорил – надо идти. Я сын. Я должен.

Анна едва слышно, с горечью:

– Но за отца... ты уже отомстил. Матери.

Он не услышал. Или не захотел.

– Сначала ушла сестра. Потом отец. Потом мама.

А потом – всё. Посыпалось.

– Надеешься найти ответ в чужой крови?

Он молчал.

Анна вздохнула, и закрыла сессию.

* * *

Прозвенел третий звонок.

Анна вернулась не в зал – в тело. На коленях программка: «ГОЛОСА ЭРИНИЙ». Трагедия в трёх актах. Она пробежала глазами аннотацию. Слова были как знаки. Как предчувствие:

Это не пересказ мифа по драме Эсхила. Это попытка

услышать его заново. Что делать, если кровь уже пролилась, а закона ещё нет? Это история о тех, кто впервые осмелился сказать: «Закон – выше крови». И о том, что происходит потом.

Анна перечитала:

...происходит потом.

Что-то поднялось в ней снизу, через ноги. Какая-то волна. Не страх, не холод. Понимание, что Павел неслучайность и она не просто не зритель. Стук сердца стал чаще. Внешне она была спокойная. Три года на сцене не прошли даром. Театр научил держать лицо.

Она слушала. Голоса внутри себя. Внятные. Чужие и близкие одновременно. Как дыхание за плечом:

– Ты могла и забыть, кто ты, Анна. Но мы, Эринии, – помним. Имя, которое тебе дала мать, не было случайным. Мегера – не роль, не маска. Это твоя суть. Ты носишь имя, как родимое пятно. Под кожей. Мегера не путает милость с правдой. Она смотрит на кровь – и не отводит глаз. Павел убил мать. Ты, как адвокат, невольно пытаешься оправдать его. Но, как Мегера, ты не должна видеть в нем человека. Он не преступник. Он просто груз на чаше весов возмездия. И в его истории ты – не адвокат. Ты та, кто слышит, знает и ведет за руку к возмездию, на эшафот приговора. К смерти или к безумию.

MECEBA NON NOMEN-

Ты – Мегера.

Занавес поднялся.

Тени исчезли. Голоса – умолкли. Полная тишина.

До первого слова трагедии.

Глава II. Кассандра.

Прозрение и гибель

*Те, кто видят дальние других, умирают раньше
своей вины.*

Женищина в чёрном

Анна, взяла с колен программку. Впитывала текст быстро. Не глазами – внутренним зрением, слухом. Словно всматривалась в зеркало, где отражалось не только представление, но были слышны голоса. Откуда-то изнутри.

• **Кассандра**

Троянская принцесса. Пророчица.

Обречена видеть – и не быть услышанной.

Аполлон дал ей дар – и забрал веру.

Истина – стала её наказанием.

В Аргосе она пленница. Трофей.

*Женищина, которая видит смерть —
и идёт ей навстречу.*

• **Агамемнон**

Царь. Победитель.

Принёс в жертву дочь – ради ветра.

Вернулся не домой – а в приговор.

*Дом Атридов встретит его не славой,
а кровью.*

Акт первый. Действие 1.

Пророчество Кассандры

Сцена: *Кассандра у входа во дворец. Сумерки. Камень ещё тёплый от солнца. Воздух – плотный, как перед бурей. Агамемнон – триумфатор ведёт Кассандру, как пленницу, пророчицу, трофей. Она останавливается на пороге. Он входит в дом.*

Кассандра: *(почти беззвучно):*

– Порог дворца, где прячется проклятие.

Не дом здесь. Западня.

Крики в углах. В камине – чей-то шепот.

И стены дышат кровью.

Я здесь, как будущего тень.

Я – крови часть, что будет здесь пролита.

(смотрит на порог)

Переступлю порог и больше никогда не выйду.

Приют последний для себя найду.

Заколют здесь меня, как жертвенную тёлку.

(смотрит на Агамемнона)

– Меня привез с собой, как вещь, трофей, игрушку.

Но не твоя я...

Проклятию принадлежу с тех пор, как отказалась я от поцелуя бога.

Нам не спастись.

Переступив порог – умрешь...

Убьют тебя. Потом – меня.

Я правду говорю...

Агамемнон (*в ответ*):

– Безумна ты!

(Переступает порог. Идет в дом)

Кассандра: (*Тихо*):

– Иди... иди. Там ждут тебя давно.

С улыбкой встретит Клитемистра¹.

Произнесёт слова любви.

Полы намажет мёдом, а поверх пурпур.

Накроет вкусный стол.

Но в пальцах будет холод и под языком змея.

А в сердце имя дочери:

Ифигения.

(Пауза. Оглядывается по сторонам)

– Она не вспоминает. Помнит все.

Как ветер рвал ей волосы пред алтарём.

Как воины в доспехах промолчали.

И на жреца смотрели все.

Как он заносит нож.

Не жертва то была. Убийство...

(вздыхает, в глазах грусть)

---

¹ **КЛИТЕМЕСТРА**, или Клитемнестра (Κλυταίμ(ν)ηστρα, в греческой мифологии дочь Тиндарея и Леды, сестра Елены и Диоскуров, жена Агамемнона, мать Хрисофемиды, Ифигении, Электры и Ореста. Была убита Орестом, мстившим за убийство ею Агамемнона.

– Меня она не хочет видеть при дворце.

Не потому, что я наложницей вдруг стала.

А потому что знаю. Вижу всё.

Произношу слова, которые она пытается забыть.

Но не забудет. Потому и не простит.

И всё произойдёт. Как я сказала.

Я... Кассандра.

А позже будут говорить: *«Ведь знала всё! Предупреждала».*

Потом забудут.

Правда неудобна всем.

Особенно сейчас.

Про нас.

(Пауза. Аплодисменты. Глухие, сдержанные. Как будто из другой эпохи.)

Анне стало душно. Не от жары – от чего-то иного. Как будто кто-то положил на грудь тяжёлый камень. И держал. Она откинулась в кресле. Понимала, что это всего лишь спектакль. Но ощущение было иным. Не она смотрела на сцену. Сцена – смотрела на неё.

«Не на такой спектакль я шла...» – подумала она. И сама не поняла, к кому обращена эта мысль. Она не любила античность, не особо помнила «Орестею» Эсхила, не интересовалась трагедиями. Ей хватало своих – в делах.

Но что-то в этой истории было не просто знакомо. Словно она уже слышала этот голос, монолог. В тишине. На грани-

це сна. Или внутри адвокатских дел, о которых не хотелось вспоминать.

Хор со сцены:

– О дом, что царским был,
теперь ты – капище.

Темнеет золото от дыхания убийц.

Врата открыты, но не к свету —
к железу и проклятию.

И свет из окон не от солнца. Сияют – отблески мечей.

С добычей царь вошел,
а выйдет с приговором.

Там, где венчали, там и сгинет.

Там, где любили – там прольется кровь.

А кровь, пролитая во имя правды,
не отмывается водой времен.

(поворот к зрителю, голос оседает, становится личным)

Молчат пророки...

Слышим голос кары. С вопросом – кто виновен больше
всех?

Кто был свободен и подвержен мести?

Или, кто знал, что обречён и ничего не сделал... кроме
слов?

Вина, не кончится прощением.

И суд пройдёт не на земле, а в памяти людской.

Смотри и бойся, зритель.

В дом Атридов ты вошел.

И тоже слышишь стены.

И кровь... как она дышит.

Помни. Не свидетель ты... Участник.

И выбор за тобой...

На чьей ты стороне.

(тишина)

* * *

Когда хор запел, Анна вздрогнула. Хотя он проявился не громом – шёпотом. Но этот шёпот обжег её. Казалось, в зале стало слышно дыхание мёртвых.

*«О дом, что звался царским...
теперь – ты капище...»*

Голоса были ниоткуда. И отовсюду.

*«Там, где венчали – там и сгинет.
Там, где любили – там пронзят мечом».*

Ей стало жарко, хотя в зале было прохладно. Спина прилипла к спинке кресла. Пальцы судорожно сжали подлокотники. Сердце стучало не в груди – в висках. И тогда хор заговорил для неё. Не в общем.

Лично.

*«...И ты, зритель, что слышал – помни.
Здесь начинается вина,
но не кончается прощением...»*

Анна словно слышала не текст. А приговор. Не за то, что она сделала. А за то, что – знала. За то, что жила, делая вид, что всё вокруг – не про неё.

*«Запомни зритель,
в дом Атридов ты вступил.
Теперь ты тоже слышишь стены.
И кровь... как она дышит.
Помни».*

И правда – она слышала. Что-то дрожало в ней. Как будто внутри давно была трещина. А теперь по ней пошёл раскол.

* * *

Свет на сцене окончательно погас. Аплодисменты начались не сразу. Словно никто не знал – можно ли хлопать после пророчества. И Анна не знала. Она опустила взгляд. Программка – на коленях. Тонкая. Сложенная вдвое. Прижала к груди. Потом развернула. Пальцы слегка дрожали.

Прочла:

• Клитемистра
Жена. Мать. Убийца.

*Месть – не выбор, а долг.
Она убила не мужа.
А того, кто убил её дочь.
Она – не зло.
Она – ответ.*

Акт первый. Действие 2. Не верю я в богов, я верю в меч

Сцена: *Перед дворцом. Закат – густой, алый, как свёрнутая ткань. Агамемнон уже внутри. Кассандра всё ещё стоит на пороге. Появляется Клитеместра. Между двумя женщинами – напряжение, полное молчаливой правды. Они смотрят друг на друга. Обе знают финал. Обе – держат взгляд. И стоят.*

Кассандра *(все ещё на пороге, не входя):*

– Не дом. Алтарь. Не стены – раны.

И кровь здесь в каждом камне.

Я подошла, они запели плач...

без лиры гимн.

Клитеместра *(спокойно, почти ласково):*

– Входи, троянская певичка и не бойся.

Не в Трое ты.

Здесь не сжигают города.

Хоронят здесь мужчин.

Кассандра *(ровно, без страха):*

– Я не боюсь.

Я знаю, Клитеместра,

Не к ужину звала ты,

А к расплате...

(тих и скорбно):

Нашли друг друга жертва и палач.

Клитеместра *(голос холоден, приближается):*

– Пророчицей себя зовешь? Всё знаешь и пришла?

Ну что ж, тому и быть – покорствуй року.

Хотя, ты не пророчица... Игрушка! Копьем добытая в бою.

В одной постели с ним. И что?

Он спит с тобой лишь в память о сгоревшей Трое.

Победа ты его.

И моя тень.

Кассандра *(тихо, но в голосе – пламя):*

– А ты... моя. Даже, когда глаза закрыты, вижу...

Как бьёшься ты у алтаря,

кричишь, когда над дочерью твоей поднялся нож.

Он не уходит – этот крик.

Живёт в тебе.

И говорит с тобой.

Клитеместра *(пауза, глухо):*

– Не смей!

Боль девочки моей – твой голос.

И смерть её в твоих в глазах.

Не жертва ты.

А только эхо зла.

Напоминание о горькой доли.

Кассандра (*усмехнувшись*):

– Ты так смела, что я почти рабыня, а царская одежда на тебе.

Но ты же знаешь, что не власть под ней – непрожитая рана.

И кровоточит много лет, болит, взывает к мести.

Клитемистра (*теперь жёстко*):

– Пропела смертное посланье, плач свой роковой?

Тогда молчи! Смирись судьбе... И знай!

Убью я вас. Его сначала, а затем тебя.

В возмездие богов не верю.

Только в меч. В его я верю правду.

И только кровь заставит тишину молчать.

Кассандра (*горько*):

– Убьешь?

И мужа и меня? Чего добьешься ты?

Он не отступит этот крик – Ифигении.

Будет в памяти твоей всегда.

Не как вдова достанешься потомкам – как амазонка.

И имя твоё – «Месть».

Клитемистра (*сдержанно, с горечью*):

– Что знаешь ты – собака чужеземка, о том, как молча стонет мать?

Не Месть – Я. Боль.

Я храм, затопленный слезами. Гроб для памяти.
И дочь, Ифигения за моей спиной. Как дым.
Она не просит. Ждет возмездия и кары.
Тебя не как врага убью и не из мести.
Как знание, которое мешает жить.
Как голос, от которого не отвернуться.
И что мешает спать.

Кассандра:

– Тогда води меня.

Веди к ножу. Веди ко мраку, где для слов нет места.

С открытыми глазами смерть приму.

Для смертных радость умереть со славой.

(Молчание. Долгое. Они стоят. Две женщины. Два знания. Две судьбы.)

Клитемистра *(почти с благоговением):*

– Как смеешь говорить ты...

так правдиво.

Ладно... проходи.

Кассандра *(шёпотом, уже ступая внутрь):*

– Я уже здесь.

И я не жертва.

Проклятие богов, чтоб знать и видеть все.

Ты не меня убьешь, ты зеркало пронзишь и там себя увидишь.

Настоящую. Без тела.

Ты истину заставишь молчать.

И нет тому прощенья и пощады.

(Обе уходят внутрь. Порог – пуст. Но кажется, он пульсирует, как рана.)

Анна подняла глаза.

Публика была разная. Кто-то напряжён. Кто-то равнодушен. Кто-то ушёл в себя. Она вновь погрузилась в спектакль.

Акт первый. Действие 3. **Гибель царя и Кассандры**

Сцена: *Внутренняя часть дворца. За сценой слышен плеск воды, вкрадчивый голос Клитеместры. В центре – занавес, символизирующий вход в баню. Свет – приглушённый, как перед бурей. Тишина, шаги, звуки воды – царь вошёл в баню, затем – голос.*

Агамемнон *(голос расслабленный, безмятежный):*

– Как славен день, когда с победой возвращаешься в свой дом.

Где тебя ждут.

Сними с меня тяжёлые одежды, Клитеместра.

Они мне давят грудь. В них трудно мне дышать.

Пусть смоем всё вода: и кровь, и пот войны, и пыль троянских стен.

Клитеместра *(мягко, вкрадчиво, заботливо):*

– Царь, мой герой, устал ты, отдохни.

Ты снова дома. Наслаждайся. Пена на воде – как мёд.

Забудь про пыль и гром войны. Помою я тебя.

Сегодня чистым будешь у меня...

(Резкий шелест ткани – как набрасываемая сеть).

Но мёртвым!

(Три глухих удара – как удары меча. Короткий хрип. Снаружи хор вздрагивает, но не уходит.)

Агамемнон *(захлёбываясь):*

– Сеть... на плечах...

Коварство! Дом... стал гробом...

(Тишина. Клитемистра выходит с окровавленным коротким мечом. Лицо – не злое, а бесстрастное).

Клитемистра *(тихо, удовлетворенно, задумчиво):*

Он – пал. Не в славе. Не в бою. А в ванне.

Где женщина и сеть – сильнее стали.

Принёс он в жертву дочь. И сам вдруг жертвой стал.

Она небесный ангел.

Он же – ритуальный бык. Для жертвы.

Большую чашу зол для дома он наполнил,

Вернувшись, сам её испил до дна.

Я радуюсь фонтану черной крови,

весенний дождь он для меня.

Кто может – радуйтесь со мной.

ХОР *(входит, встревоженно, как будто пробуждён из сна):*

– Кто поднял руку? Пролил кровь?

Не враг. И не чужой. А та, чьё лоно знало грозного царя.

О, Аргос, ты стал Троей.

И слово – стало делом.

Клитеместра (*видит Кассандру, спокойно, властно*):

– Он мёртв.

Он получил за то, что дал. И в доме его кровь.

В том доме, где забыл он имя дочери своей...

и променял её – на ветер.

(Кассандра выходит на сцену. Медленно. Она будто уже не здесь).

Кассандра (*ясно, без страха*):

– Ну вот и всё. Свершилось. Пролит чёрный дождь из крови.

Мой черёд настал.

Мой голос не был на земле услышан. На небе тоже.

Не спасусь. Пройду весь путь, начертанный богами.

Не мне перечить им.

Кто я. И кто они.

(Клитеместра входит. В руке – короткий меч и окровавленный платок. Смотрит в глаза Кассандры, как в зеркало.)

Клитеместра:

– Все знаешь. Слышишь злые мысли.

И примешь смерть – достойно.

Кассандра:

– Я приняла её давно, там – на пороге.

Когда вошла – как в твои сны.

Я в них была и буду.

(Они стоят рядом. Без борьбы. Без крика. Как две жрицы у алтаря).

Клитемистра *(шепчет):*

– Прощения просить не буду.

Только тишины.

Только она заглушит голос той,
что слышу десять лет.

И ты... не приходи ко мне во снах.

Дурное сновиденье, что нельзя истолковать.

Кассандра:

– Ладно, не приду.

Другой придёт за нас отомстить.

Вину за родича убийцу искупить.

Уже клубится туча черная из крови.

Тебя прошу лишь об одном – чтоб точным был удар.

Чтобы без судорог, а тихо истекла я кровью.

(Быстрый, почти незаметный удар. Кассандра опускается – не сражённая, освобождённая. Клитемистра стоит над ней, как над завершённым ритуалом).

ХОР *(в полголоса):*

– За морем выросла, а говорит, как здесь была.

Но нет сосуда для её пророческого слова.

Дом алтарём стал.

А царица жрицей.

Вошёл с добычей царь – с проклятием рода вышел.

Кровь не в канавы – в корни утекла.

А корни память пьют.

На ком лежит вина?

Тот, кто убил? Или кто начал?

Кровь – за кровь.

Имя – за имя.

Жертва – за жертву.

(Свет погас. Последнее, что Анна видела – порог. По нему стекала кровь. Она не исчезала. Впитывалась в камень.)

КОНЕЦ ПЕРВОГО АКТА

ЗАНАВЕС

АНТРАКТ

* * *

Глаза Анны отказывались воспринимать происходящее на сцене, как просто спектакль.

Когда раздался голос Агамемнона – довольный, умиротворённый, то ей стало не по себе. Он говорил о доме, о чистоте, о возвращении. Но под этими словами скрывалась

ложь. Не театральная. Человеческая.

Голос Клитемнестры – тихий, заботливый – она уже слышала его. Но под ним – другой. Тот, что звучал, когда женщина смотрела, как жрец поднимает нож над её дочерью.

Когда удар меча прерывал сцену – внутри у неё всё сложилось. *«Вошёл с добычей царь – с проклятием рода вышел»*. Ей показалось, что это об отце Павла. Того паренька, который завтра будет сидеть напротив следователя и неустанно повторять: *«Я не хотел. Я просто... не выдержал»*.

Потом – Кассандра. Покой. Смирение. Жила, чтобы стать пророком. И... чтобы не быть услышанной.

Анна машинально скользнула взглядом по залу – и вдруг заметила, как между рядами проскользнула Женщина в чёрном. Быстро, без взгляда в сторону, сдержанно, точно зная, куда идёт. Тень от пальто ложилась на кресла и тут же исчезала, как след на темной воде. Анна чуть подалась вперёд, пытаясь разглядеть лицо, – но женщина исчезла, словно её и не было.

И всё же Анна знала: она была.

Недолго думая, Анна встала и направилась к выходу. Она покидала театр в том редком состоянии, которое скорее напоминало очищение, чем разрядку: ни в голосе, ни в походке не чувствовалось ни капли истеричности, ни следа суеты – только внутренняя собранность, точная, как выдох перед шагом в пустоту. Всё в ней теперь было завершено, выровнено, как поверхность холодной воды: никакой борьбы, ни-

какого выбора – только движение вперёд сквозь нечто уже принятое.

– На сегодня достаточно, – сказала себе.

Душ. Вино. И попытка понять.

Кто она теперь.

Анна?

Или – Мегера?

Глава III. Тени Эриний

*Есть убийства, совершённые из боли, но боль –
не освобождает от вины и от ответа.*

Женщина в чёрном

Дома она молча сняла пальто, не включая верхнего света, прошла в кухню и отключила звук на телефоне, будто закрыв дверь за всем, что осталось снаружи. В квартире стояла тишина, но это не была тишина покоя – скорее, настороженно-го безмолвия, такого, какое бывает в запертом шкафу, где за старой одеждой хранится запах былых тревог.

Она открыла винный шкаф и налила в тонкий бокал немного бургундского – густого, насыщенно рубинового, цвета запёкшейся крови, – затем зажгла три свечи, не ради уюта и не по ритуалу, но из внутреннего повеления: по числу имён, которые она знала почти с детства, как и своё собственное.

Они были здесь.

Эринии.

Она чувствовала их присутствие не ушами, не кожей, а чем-то более древним – внутренним слухом, для которого слово избыточно, потому что всё итак понято. Почти не думая, она дотянулась до книжной полки и достала старый том – «Мифология Древней Греции. Тёмные богини. Доминион страха и справедливости».

Книга была на ощупь тёплой, как если бы её держали только что. Тиснение на обложке стерлось, как имя, произнесённое шёпотом много раз.

Она открыла книгу и стала читать, не выбирая страницу, как будто снова её кто-то звал по имени.

Мегера.

Алекто.

Тисифона.

Они были женщинами. Но их волосы – змеи. Их голос – тот, что звучит только внутри: в каждом, кто когда-либо знал слово – «вина». Они не карают без причины. Но и не прощают без искупления.

Они – древнее богов.

Они – не выбор.

Они – зов.

Строка за строкой, словно кольцом, стягивала горло. Не от ужаса. От узнавания. Мегеры в себе.

Она поднесла бокал к губам. Вино оказалось терпким, глубоко бархатистым, как ткань, которую гладят против ворса. Оно согревало, но не приносило расслабления: слишком многое произошло в этот день, чтобы позволить себе забвение.

Мать. Нож. Сын. Закон. И спектакль, в котором слова оказались сильнее фактов. Она не знала, как к этому относиться. Совпадение ли это? Или знак?

Но если знак – то чего именно?

Убийство матери?

На сцене – ритуал, очищение, миф. В жизни – то ли ошибка, то ли тот же самый ритуал, только без масок.

Вина, как и проклятье, передаётся из рода в род. Но искупление – требует свободы.

Не указаний. Не контракта.

Свободы.

* * *

Анна прилегла на софу и прикрыла глаза. Лампа на столе светила жёлтым светом, каким светит полная луна, когда ты не знаешь, ночь это ещё или уже утро. Её звали Мегерой с рождения – мать настояла. «Это имя рода. Это имя силы. Оно твое. В честь бабушки – гречанки». В детстве оно казалось ей проклятием. Она сжималась, слыша: Мегера Либерман. С шести лет она уговаривала всех называть её Анной. И добилась своего.

Но с недавних пор – с тех пор, как мать умерла, когда дела в суде стали выматывать не ум, а сердце – имя вдруг начало всплывать в голове, как бы заново: не как прозвище, а как код.

Она снова взглянула в книгу. Информация о Мегере была лаконична. *Мегера – одна из Эриний. Богиня мстительной ярости, рожденная из крови Урана, падшей на Гею. Хранительница справедливости между кровными. Не прощает из-*

мену роду, обман, предательство. Преследует виновного не мечом, а памятью. Словом. Совестью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.